

- ¹⁶ Гордлевский В. А. Указ. раб. С. 21—22.
- ¹⁷ Лобачева Н. П. Свадебный обряд хорезмских узбеков // КСИЭ. 1960. 34. С. 44.
- ¹⁸ См. карту: Лобачева Н. П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 39.
- ¹⁹ По некоторым информациям, курицу новобрачный должен был съесть, не притрагиваясь к ней руками, что вызывало смех у зрителей.
- ²⁰ По возрастной градации этот термин означает мужчину зрелого возраста от 30 до 50 лет, т. е. представителя старшей возрастной группы, хотя в объединении он не выделялся своим возрастом, как и *агабий*. В этом явлении, очевидно, отразилась роль старшего поколения и та фаза в развитии мужских объединений, когда они не разделялись на группы по возрастам.
- ²¹ См. Борозна Н. Г. Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана // Сов. этнография. 1969. № 1. С. 84.
- ²² Архив ИЭ. Каракалпакский отряд Хорезмской экспедиции. 1956. Полевая запись автора. № 30.
- ²³ Сухарева О. А. Празднество цветов у равнинных таджиков (конец XIX — начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 44.
- ²⁴ Сухарева О. А. Указ. раб. С. 44.
- ²⁵ Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // С. 51—52.
- ²⁶ См. Варданян Л. В. Традиции мужских возрастных групп у армян (Конец XIX — начало XX в.) // Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования в 12 вып. Ереван, 1982. С. 118.
- ²⁷ Задыкина К. Л. Узбеки... С. 403.
- ²⁸ Снесарев Г. П. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. 1960. Вып. 4. С. 138.
- ²⁹ Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 224.
- ³⁰ Сазонова М. В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М. 1989.
- ³¹ См. Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1982. С. 83—84.
- ³² Полевые материалы автора. 1947. Хива, Турткуль и их районы; а также Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 123.
- ³³ Полевые записи автора. 1947. Хорезмская обл. УзССР, Турткульский р-н Каракалпакской АССР; Лобачева Н. П. Формирование... С. 120.
- ³⁴ См. Рахимов Р. «Туи салладор» в окрестностях города Ура-Тюбе (К вопросу о традиционном общественном быте таджиков) // Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1975. М., 1977.
- ³⁵ См. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., 1949. С. 166—167 и др.; Варданян Л. В. Традиции мужских возрастных групп... С. 114 сл.
- ³⁶ См. Снесарев Г. П. Традиции мужских союзов... С. 164.
- ³⁷ Устное сообщение А. Жумаева.
- ³⁸ Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л., 1984. С. 170.
- ³⁹ См. Андреев А. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. С. 130.
- ⁴⁰ Шовалиева М. Современный обряд «мулчар» у таджиков Бухары и ирани Кагана // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе (Философия, история, право). Душанбе, 1987. С. 130 сл.
- ⁴¹ См. Тошматов Н. Э. Традиционные мужские объединения и их роль в семейной обрядности у населения Ура-Тюбе // Изв. АН ТаджССР (Сер. востоковедение, история, филология). 1987. 4. С. 33—34.
- ⁴² Там же. С. 36—37.
- ⁴³ Варданян Л. В. Указ. раб.
- ⁴⁴ Устное сообщение Л. Ф. Моногаровой.
- ⁴⁵ Устное сообщение А. Кочкунова.

С. В. Соколовский

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ БРАЧНОЙ СТРУКТУРЫ У АЛТАЙСКИХ МЕННОНИТОВ

Одним из главных объектов исследования в географии населения является система расселения. Однако роль пространственного размещения человеческих сообществ столь велика, а закономерности этого размещения настолько существенно влияют на их жизнедеятельность, что без учета размещения населения не обходится по существу ни одна из наук, в которых исследуются те или иные

стороны функционирования этих сообществ. Рассмотрение особенностей расселения давно перестало быть прерогативой географов и превратилось в традицию в исторических, археологических, антропологических, демографических и популяционно-генетических исследованиях. Приемы и методы оценки влияния системы расселения на те или иные стороны общественной жизни безусловно варьируют от науки к науке, вместе с тем в их мозаике улавливаются черты сходства, позволяющие говорить о существовании определенных исследовательских традиций и подходов. Наиболее явным образом выделяются три таких подхода: региональный, или хорологический; экологический, или энвайронменталистский и пространственно-аналитический¹.

Предметом этой статьи является изучение влияния системы расселения на формирование и эволюцию брачной структуры. Избранный в ней подход — количественная оценка пространственных детерминантов брачной структуры — совпадает по методам с пространственно-аналитическим подходом. Нетипичен лишь объект анализа. Было бы преувеличением утверждать, что влияние пространственно-географических факторов на брачные структуры до сих пор недооценивалось, ведь терминосистема этой области исследований содержит ряд географических понятий «брачная миграция», «круг брачных связей», «радиус брачного обмена» и т. д. Следует, однако, отметить, что исследования взаимосвязи систем расселения и брачности до сих пор выполнялись методами регионального анализа². Исследования же брачных систем с позиции экономического и пространственно-аналитического направлений автору не известны. Впрочем, по ряду особенностей к пространственно-аналитическому методу приближаются исследования брачной миграции в популяционной генетике, однако в центре внимания в рассматриваемых там моделях находится не брачная, а генетическая структура популяции. Другим существенным отличием от выбранного здесь аспекта анализа служит формальный характер используемых в этих моделях параметров, связанных как раз с изменением пространственных закономерностей миграции. Проиллюстрируем данное утверждение несколькими типичными примерами.

Одной из наиболее распространенных посылок, включенных в большинство дискретных моделей, — «островной» С. Райта, «ступенчатой» Ж. Малеко, М. Кимуры и Дж. Г. Вейсса, «звездной» Л. Л. Кавалли-Сфорца и Д. Кармелли, — является принцип изотропности миграции, выражающийся в том, что коэффициент миграции субпопуляции не зависит от ее пространственного положения³. В числе других часто встречаемых допущений — симметричность миграционных потоков, равномерное распределение населения в пространстве (континуальная модель «изоляции расстоянием» Ж. Малеко), линейная зависимость величины миграционного потока от расстояния («гравитационная модель» Д. Куржо)⁴.

Допущения такого рода столь существенно огрубляют реальность, что ряд специалистов относится скептически к возможности использования этих моделей для изучения реальных популяций⁵. Подобный скептицизм породил иное направление исследований — так называемый дескриптивный, или феноменологический подход, цель которого — строгое описание реальных систем брачных связей и фиксация наблюдаемых брачных структур с помощью комплекса хорошо измеримых параметров. Предполагается, что создание банка данных на основе информации, накопленной в результате применения этого подхода, послужит надежной основой разработки более реалистичных моделей популяционных структур.

Таким образом, предлагаемое здесь описание брачной структуры инспирировано двумя исследовательскими традициями — пространственно-аналитической (география населения) и феноменологической (популяционная генетика и экология), т. е. представляет типично целевое междисциплинарное исследование. Его объектом стала группа меннонитских сел (обычно обозначаемая как Славгородское, или Барнаульское поселение⁶) — крупнейшая в СССР

этнорегиональная группа меннонитов, сложившаяся в 1907—1911 гг. в ходе их переселения на свободные земли из новороссийских меннонитских округов⁷. Достаточно подробно описанная история меннонитской общности позволяет ограничиться этой скупой исторической справкой и сосредоточиться на синхронной характеристике брачной структуры, источником для описания которой послужили полевые материалы, собранные автором в экспедиционных поездках 1980—1985 гг. Именно тогда были получены сведения о регистрации браков меннонитами Благовещенского, Славгородского и Хабаровского р-нов Алтайского края с 1963 по 1982 г., позволившие оценить размеры брачной миграции между отдельными меннонитскими селами и выделить группы наиболее тесно связанных сел, называемые обычно кругами брачных связей, или демами.

Поскольку подразделенность алтайской популяции меннонитов на демы, как и система локальных изолирующих барьеров, с учетом действия таких групп факторов, как конфессиональная, лингвистическая, социально-экономическая, уже описаны⁸, возникает возможность исследовать иные аспекты структурирования, в частности подробнее остановиться на роли современной системы расселения в эволюции брачной структуры.

В популяционно-генетических исследованиях, где до настоящего времени происходило основное накопление информации о популяционных структурах и брачной миграции, интерпретируемой как миграция генов, последняя обычно фиксируется в терминах распределений типа «место рождения жены — место рождения мужа», либо «место рождения матери (реже отца) — место рождения ребенка». При этом в первом случае, когда речь идет о местах рождения супругов, система расселения представлена в ретроспективе, в том виде, в котором она существовала почти поколением раньше, а современное расселение (т. е. вся добрачная миграция) и его влияние на наблюдаемую географию брачности не учитывается. Анализ матриц типа «место рождения матери — место рождения ребенка», по всей видимости, более пригодный для оценки миграции генов, хотя и может отражать изменения в системе расселения, но мало что сообщает о наличной брачной структуре. Таким образом, оба способа представляются неадекватными средствами решения поставленной здесь задачи.

С нашей точки зрения, влияние системы расселения на брачную структуру позволяет оценить матрицы типа «место рождения — место жительства», составляемые для мужчин и женщин, заключивших браки в исследуемый период. Эти матрицы фиксируют результат изменений, произошедших в системе расселения с момента рождения будущих супругов до момента их вступления в брак, т. е. содержат информацию о расселении на двух временных срезах.

Тип структуры, отражаемый в матрицах данного вида, удобно обозначать как «композиционную структуру популяции», поскольку этот термин одновременно подчеркивает структурный аспект анализа географических популяций и фиксирует вид структуризации, ее способ — композицию, т. е. локальной популяции (например, определенного села или города) из уроженцев данного населенного пункта и мигрантов, проживающих в нем. Характер признаков, из которых складывается композиционная структура, может быть сколь угодно разнообразным, а принцип их описания зависит от целей конкретного исследования: например, для изучающих этнические процессы возможна оценка этнической композиции данного населенного пункта, и социологов может заинтересовать социально-профессиональная композиционная структура и т. д. Таким образом, из широкого класса возможных композиционных структур объектом нашего анализа будет лишь та, которая отражает современную систему расселения алтайских меннонитов в терминах их мест рождения.

Поскольку материалы по всем административным районам расселения меннонитов в Алтайском крае не могут быть представлены в небольшой статье, ограничимся рассмотрением композиционной структуры самого крупного массива меннонитских сел, находящегося на территории современного Хабаровского

р-на и состоявшего в недалеком прошлом из 19 сел (часть из них исчезла в процессе укрупнения колхозов).

Исходная матрица композиционной структуры сел строится аналогично привычным в популяционно-генетических исследованиях матрицам брачной миграции, но в отличие от них элементами этой матрицы являются числа, отражающие количество мужчин, либо женщин, родившихся в i -том селе района и проживающих на момент заключения брака в нем же (элементы главной диагонали матрицы), либо в j -том селе (все остальные элементы матрицы).

Построение и анализ таких матриц позволяют оценить размеры, направленность и интенсивность добрачных миграционных потоков, существенно влияющих на распределение вероятностей встречи будущих супругов и вероятностей заключения браков между уроженцами различных сел. Картографирование таких потоков, особенно необходимое при значительных изменениях системы расселения (а именно таким изменением можно считать процесс укрупнения колхозов, в результате которого уроженцы малых сел переселялись на главные усадьбы), позволяет понять географию локальных изолирующих барьеров, зафиксировать степень их устойчивости либо, наоборот, подвижности. Наконец, зная современную композиционную структуру сел, можно дать прогноз для брачной структуры по принципу места рождения супругов. Разумеется, эта структура не является однозначным отображением будущей брачной структуры, однако она несомненно очерчивает то пространство вероятностей, внутри которого будет реализовываться брачная структура следующего поколения. Для анализа особенностей расселения при вступлении в брак (патрилокальное, вирилокальное, неолокальное и т. д.) целесообразно строить отдельные матрицы для мужчин и женщин.

Матрицы композиционной структуры меннонитских сел Хабаровского р-на, фиксирующие добрачную внутрирайонную мобильность, представлены в табл. 1 и 2. Сопоставление данных обеих таблиц обнаруживает значительное совпадение мужских и женских миграционных потоков если не по объемам, то по направлениям миграции. В этом отражается уже отмеченный процесс переселения на центральные усадьбы колхозов, протекавший как раз на временном от-

Таблица 1

Композиционная структура меннонитских сел Хабаровского р-на
(мужчины, вступившие в брак в 1963—1982 гг.)

№ п/п	Место рождения	Место жительства *																		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1.	Мирное	27	18	0	0	0	0	1	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
2.	Протасово	0	34	0	0	0	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
3.	Угловое	1	4	10	0	0	0	43	1	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0	0
4.	Чистый	1	6	0	0	0	2	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5.	Красный Дол	1	16	0	0	8	3	1	4	0	0	0	0	2	0	1	0	0	0	0
6.	Никольский	0	22	0	0	0	11	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
7.	Полевое	0	2	0	0	0	0	49	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
8.	Дегтярка	0	0	0	0	0	0	1	54	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
9.	Дягилевка	0	0	1	0	0	0	17	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
10.	Петровка	0	0	0	0	0	0	0	6	0	2	0	0	0	0	2	0	0	0	0
11.	Синеозерное	0	0	0	0	0	0	2	1	0	0	3	0	0	0	29	0	0	0	0
12.	Ясное	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	11	0	0	16	0	0	0	4
13.	Дворское	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	27	0	7	0	1	0	2
14.	Луговое	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	2	18	0	0	0	1
15.	Орлово	0	5	0	0	0	1	3	6	1	1	1	1	0	0	75	0	2	5	2
16.	Черновка	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1
17.	Лесное	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	14	0	34	0	7
18.	Чертеж	0	0	0	0	0	0	13	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	24	0
19.	Александровка	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	13	0	1	0	26

* Цифры, приведенные в головке таблицы, соответствуют цифрам, указанным в боковике.

Таблица 2

**Композиционная структура меннонитских сел Хабаровского р-на
(женщины, вступившие в брак в 1963—1982 гг.)**

№ п/п	Место рождения	Место жительства *																		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1.	Мирное	23	29	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
2.	Протасово	1	37	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	2	0	0
3.	Угловое	1	1	9	0	0	0	38	2	0	0	0	0	1	1	5	0	2	0	2
4.	Чистый	0	8	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5.	Красный Дол	0	5	0	0	11	1	2	3	0	0	0	0	0	0	4	0	1	0	1
6.	Никольский	0	22	0	0	2	21	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
7.	Полевое	0	0	0	0	0	0	45	1	0	0	0	0	1	0	3	0	0	1	0
8.	Детярка	0	1	0	0	0	0	1	49	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
9.	Дягилевка	0	0	0	0	0	0	18	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
10.	Петровка	0	1	0	0	0	0	1	8	0	5	0	0	0	0	1	0	0	0	0
11.	Синеозерное	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	5	0	0	0	27	0	1	0	0
12.	Ясное	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	1	16	0	0	8	0	0	0	3
13.	Дворское	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	24	0	13	0	0	0	1
14.	Луговое	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	2	10	0	1	1	0
15.	Орлово	1	3	1	0	1	0	6	2	0	0	3	1	1	0	62	0	2	7	0
16.	Черновка	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	4	0	1	0	4
17.	Лесное	0	1	0	0	0	0	5	0	0	0	0	0	1	0	9	0	38	0	2
18.	Чертеж	0	2	0	0	0	0	14	1	0	0	0	0	0	0	3	0	0	22	0
19.	Александровка	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	9	0	1	1	35

* Цифры, приведенные в головке таблицы, соответствуют цифрам, указанным в боковике.

резке с момента рождения членов наблюдаемой когорты до момента их вступления в брак. В результате этого процесса сформировались сложные композиционные структуры сел, являющихся административными и хозяйственными центрами (Детярка, Орлово, Полевое, Протасово). Напротив, композиционные структуры малых сел относительно просты (к этому классу относятся Мирное, Дворское, Лесное, Чертеж, Никольский). В отдельный тип выделяются селаспутники, расположенные в 1—3 км от центральной усадьбы колхоза и связанные с ней интенсивной маятниковой миграцией. В Хабаровском р-не к такому типу принадлежит лишь Александровка. Остальные с крайне простыми композиционными структурами можно было бы выделить в еще один тип — села, исчезнувшие за рассматриваемый период (1963—1982 гг.). Однако, поскольку в действительности здесь мы имеем дело с осколками прежних структур (данные о миграции с 1963 г. до момента исчезновения села), а не со структурами особого типа, этот «тип» скорее следует рассматривать в качестве эпифеномена, который должен быть упомянут, но который вряд ли заслуживает специального анализа.

Простейшим способом количественного описания композиционной структуры села является измерение доли вклада каждой из групп мигрантов в процентах, либо с помощью простого подсчета направлений миграции. Например, среди мужчин с. Орлово, вступивших в брак в 1963—1982 гг. помимо местных уроженцев есть и выходцы из 13 сел района: около 41% — уроженцы с. Орлово, 16% — Синеозерного, 10% — Лугового, 9% — Ясного, 7,5% — Лесного, 7% — Александровки, около 4% — Дворского, 5,5% — еще семи сел района. Примечательно, что 94,5% этих мужчин родились в границах Орловского сельсовета, а 80,5% — в границах прежнего Орловского прихода. У женщин этого же села композиционная структура еще более сложна: 38% — местные уроженки, 16,5% — мигранты из с. Синеозерного, 8% — из Дворского, 6% — из Лугового, по 5,5% из Лесного и Александровки, 5% из Ясного, остальные 15,5% — еще из девяти сел района, т. е. в структуре представлены уроженки 16 меннонитских сел района. В границах сельсовета родилось около 88%,

а в границах бывшего прихода — 74,5% представительниц рассматриваемой когорты.

Сходными по сложности композиционными структурами обладают и другие административно-хозяйственные центры этого региона — села Протасово (8 и 10 групп мигрантов у мужчин и женщин соответственно), Полевое (11 и 12 групп, или направлений миграции в популяцию) и Дегтярка (12 групп у мужчин и 11 — у женщин).

Малые села характеризуются помимо менее сложных композиционных структур высокой долей уроженцев данного села. Черты, присущие их композиционным структурам, отчетливо проявляются на примерах таких сел, как Мирное, Дворское и Лесное. Композиция по признаку «место рождения» первого из них выглядит следующим образом: 90% мужчин — уроженцы села, остальные прибыли из близлежащих сел Угловое, Чистый и Красный дол, т. е. 100% мужчин, вступивших в брак в описываемый период и проживающих в данном селе, родились в границах прежнего прихода, 97% — в границах сельсовета. Среди женщин этого села его уроженки составляют 88,5%, остальные прибыли из сел Протасово, Угловое и Орлово, т. е. 96% родились в границах прихода, 92% — в границах сельсовета.

Столь же простой композицией характеризуется и с. Дворское, где 87% мужчин и 80% женщин — его уроженцы: у мужчин остальные 13% составляют мигранты из Лугового и Красного Дола, у женщин в числе проживающих в селе — выходцы из Углового, Полевого, Дегтярки, Дягилевки, Орлово и Лесного. Доля родившихся в границах прихода и сельского совета у мужчин совпадает и составляет 93,5%, а у женщин эти величины равны соответственно 90 и 86,5%.

Композиционную структуру с. Лесного легко рассчитать по данным приведенных таблиц. Отметим лишь, что она также проста, а число жителей, родившихся в границах прежнего церковного прихода, составляет у мужчин 92% (100% — в границах сельсовета), а у женщин — 81,5% (90% — в границах сельсовета).

Таким образом, малые села обладают особым типом композиционной структуры, число элементов (групп мигрантов) которой почти вдвое меньше, чем в аналогичных структурах крупных сел. Этот вполне предсказуемый и, таким образом, не неожиданный результат имеет существенное значение для планирования полевой работы в антропологических и популяционно-генетических экспедициях, где, как известно, основой выборки служит совокупность людей, объединяемая местом проживания (локальная, или географическая популяция, т. е. население деревни, поселка, города, района и т. д.), а не требуемая теорией совокупность, обладающая единым генофондом. Исходя из особенностей композиционных структур крупных и малых сел можно наметить две стратегии в формировании выборки. Первая состоит в том, что крупное село предпочтительнее как объект исследования по сравнению с малым, так как в его композиционной структуре население дема (круга брачных связей, объединяющего, как правило, группу сел) представлено репрезентативней. Другая стратегия заключается в обследовании группы связанных брачными миграциями малых сел. Она менее экономна с точки зрения времени и усилий (на формирование такой же по размерам и представительности выборки их затрачивается больше), однако нередко представляет возможности для реконструкции брачной структуры в предшествовавший исследованию период, так как системы брачных обменов малых сел и формируемые ими композиционные структуры носят обычно более консервативный характер, чем соответствующие системы и структуры сел, являющихся административными или хозяйственными центрами того или иного ранга.

Поэлементный анализ композиционных структур крупных и малых сел позволяет отметить общую для этих групп тенденцию к большей гетерогенности женского населения, что дает основание для предположения о некотором,

хотя и небольшом преобладании вирилокального расселения над прочими его формами. Другой особенностью, в известной мере объясняющей возникновение этих двух типологических групп, выделяемых на основании данных о миграции, является характерное для крупных сел преобладание прямой миграции над обратной (т. е. миграции в микропопуляцию, в данном случае — в село, над миграцией из села). Для сел второго типа (малых сел) характерно как раз обратное. Однако типология в терминах миграционного сальдо микропопуляций, сколь бы естественной она ни казалась при обсуждении миграционных процессов, имеет тот недостаток, что в ней не учитывается ни доля жителей, не менявших места проживания, ни число направлений миграции. Разумеется, всегда остается возможность построения классификаций сел по всем перечисленным основаниям с последующей оценкой меры их взаимной согласованности, но существует и менее громоздкий путь — попытка конструирования показателя, в котором бы учитывались все перечисленные параметры миграции.

Такой показатель, разработанный для прямого анализа брачной миграции, был предложен Ю. Г. Рычковым⁹. В качестве интегральной оценки генетического вклада микропопуляции в популяционную систему, учитывающей и число направлений миграции и уровень локальной эндогамии, этот метод, с нашей точки зрения, может быть использован и для анализа матриц композиционных структур. В соответствии с ним коэффициент миграции всей системы расселения определяется следующим выражением:

$$\bar{m} = (1/2K) \cdot (m_i + m'_i), \text{ где} \\ m_i = (n_i/n_i + N) \cdot (k_i/K - 1), \\ m'_i = (n'_i/n_i + N) \cdot (k'_i/K - 1).$$

(N — число эндогамных случаев, n_i , n'_i — число прямых и обратных миграций; k_i , k'_i — число направлений прямых и обратных миграций; K — общее число направлений миграции).

Все величины, необходимые для расчетов коэффициентов прямых и обратных миграций, и сами коэффициенты представлены в табл. 3. Как следует из нее, для мужчин $\bar{m}' = 1109$, для женщин — 1239.

Высокие значения коэффициентов свидетельствуют о том, что микропопуляция (населенный пункт) не является самостоятельной и независимой структурной единицей. Из приведенного ранее анализа известно, что вся группа меннонитских сел Хабаровского р-на распадается на три дема, и приведенные здесь коэффициенты отражают, таким образом, как внутри-, так и междемную мобильность.

Использование метода «не по назначению», т. е. не в качестве оценки миграции генов как необходимого параметра математической модели популяции, а как некоего индикатора добрачной мобильности населения, позволяющего ранжировать рассматриваемое множество сел, вызывает обоснованные возражения. Оправданием может служить лишь то обстоятельство, что и цели, в которых данный метод используется, отличаются от традиционных. В частности, здесь не преследуется цель расчета модельного параметра, а ставится задача выяснения степени связи между положением села и интенсивностью миграционных потоков. Прежде чем перейти к решению этой задачи, требующему не только измерения параметров миграции, но и введения некоей количественной меры, которая бы характеризовала положение села относительно всей системы расселения, подведем итоги рассмотрения композиционных структур.

Рассмотрение параметров миграции, формирующей композиционные структуры крупных сел, свидетельствует о значительном их своеобразии. Главными факторами, лежащими в основе этого своеобразия, являются явное преобладание потоков прямой миграции над потоками обратной и большее число направлений прямой миграции по сравнению с числом направлений обратной. Значительное преобладание мигрантов из близлежащих малых сел над прочими

Коэффициенты миграции меннонитских

№ п/п	Микропопуляция (населенный пункт)	Мужчины					
		N_i	n_i	k_i	n'_i	k'_i	m_i
1	Мирное	27	3	3	22	4	.0167
2	Протасово	34	74	8	3	2	.3045
3	Угловое	10	1	1	54	5	.0051
4	Чистый	0	0	0	12	5	0
5	Красный Дол	8	1	1	28	7	.0062
6	Никольский	11	10	6	23	2	.1587
7	Полевое	49	85	11	4	3	.3876
8	Дегтярка	54	27	12	1	1	.2222
9	Дягилевка	1	1	1	19	3	.0278
10	Петровка	2	1	1	8	2	.0185
11	Синеозерное	3	2	2	32	3	.0444
12	Ясное	11	1	1	22	3	.0046
13	Дворское	27	4	2	13	6	.0143
14	Луговое	2	0	0	22	4	0
15	Орлово	75	109	13	28	11	.4278
16	Черновка	0	0	0	4	4	0
17	Лесное	34	5	4	21	2	.0285
18	Чертеж	24	6	2	15	3	.0222
19	Александровка	26	17	6	16	3	.1318

свидетельствует об известном совпадении композиционных структур административно-хозяйственных центров с границами брачного круга, что и делает их выбор в качестве объекта популяционно-генетических исследований вполне корректным. Для сохранившихся малых сел характерна как раз противоположная ситуация — значительное преобладание (в среднем на целый порядок) обратной миграции над прямой. Единственное исключение, отмечаемое в массиве сел этого района — с. Александровка. Оно расположено в непосредственной близости от крупного с. Орлово — центра сельсовета и колхоза. Через оба села проходит дорога районного значения, а расстояние между ними не превышает 2—3 км. Александровка, таким образом, может рассматриваться с некоторым основанием как часть с. Орлово. Такие села-спутники есть и в других районах расселения меннонитов. Их композиционные структуры сложнее, чем структуры малых сел, а поток прямой миграции превышает обратную (с. Кусак в Славгородском р-не при крупном с. Некрасово, с. Татьянавка в Благовещенском р-не при административно-хозяйственном центре — с. Николаевке).

Изложенные здесь наблюдения позволяют считать, что ведущим фактором в трансформации композиционных структур был процесс укрупнения колхозов, превращения некоторых сел в относительно крупные административно-хозяйственные центры, повлекший за собой исчезновение ряда мелких поселков и складывание сложных композиционных структур крупных сел. Преобладание в составе мигрантов в крупные села уроженцев небольших соседних поселков не позволяет говорить о фундаментальной перестройке брачной структуры (границы круга брачных связей существенно не изменились), скорее речь должна идти о трансформации (и в данном аспекте весьма значительной) системы расселения популяции, фиксируемой в терминах микропопуляций (долей мигрантов из исчезнувших и сохранившихся сел, проживающих в каждом из существующих ныне сел). Наблюдаемое в меннонитских селах Алтайского края своеобразное пространственное «сжатие» брачного круга в композиционную структуру одного крупного села позволяет ожидать в ближайшем будущем возрастания частоты изолакальных браков в таких населенных пунктах и соответствующего упрощения их композиционных структур. В отдельных случаях мы уже имеем возможность наблюдать этот процесс: в с. Глядни (Благовещенский р-н)

Таблица 3

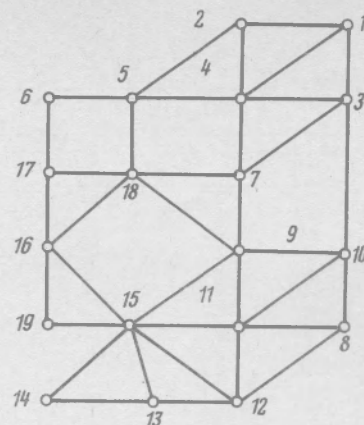
сел Хабаровского р-на

N_i	n_i	Женщины				
		k_i	n'_i	k'_i	m_i	m'_i
23	3	3	31	3	.0192	.0957
37	73	10	5	3	.3687	.0198
9	2	2	53	9	.0202	.4274
0	0	0	10	2	0	.1111
11	6	4	17	7	.0784	.2361
21	3	2	25	3	.0139	.0906
45	91	12	8	5	.4661	.0419
49	23	11	3	3	.1952	.0096
0	0	0	19	2	0	.1111
5	0	0	11	4	0	.1528
5	4	2	30	4	.0494	.1905
16	1	1	15	6	.0033	.1613
24	6	6	16	3	.0667	.0667
2	1	1	13	4	.0185	.1926
62	100	15	28	11	.5144	.1901
0	0	0	5	5	0	.2778
38	11	8	18	5	.0998	.0893
22	10	4	20	4	.0694	.1058
35	13	6	14	4	.0903	.0635

более 90% мужчин и женщин вступили в изолакальные (в данном случае — и эндогамные) браки. Такое же явление было отмечено В. В. Бунаком в крупном немецком с. Подсосново (Славгородский р-н), где доля эндогамных браков составляла 92%¹⁰. Эти факты позволяют отметить два существенных момента: 1) композиционные структуры представляются наиболее динамичной частью системы брачных связей с «короткой памятью» и отражают недавние исторические события; 2) перестройка системы расселения может не сопровождаться существенными изменениями брачной и популяционно-генетической структур.

Перейдем теперь к анализу влияния географического положения села в данной системе расселения на формирование его композиционной структуры. Теоретически можно предположить, что периферийные села будут иметь более простые структуры, чем те, которые расположены ближе к центру сети поселений. Однако для того чтобы проверить истинность такого предположения, необходимо использовать более точные характеристики местоположения сел, позволяющие оценивать меру их «центральности», выгодности размещения и т. д. Такой мерой, точнее, целым комплексом мер, позволяющим квантифицировать центральность, компактность, связность пунктов в системе расселения, располагает теория графов¹¹. В частности, в аппарате этой теории существует целый ряд показателей, позволяющих применительно к брачной структуре оценить и измерить выгодность положения населенного пункта на сети брачных связей (брачных миграций, связывающих группу сел).

Все эти показатели, широко используемые в географических исследованиях (главным образом в географии транспорта), определяются на графах географической смежности, где под смежностью понимается непосредственное соседство населенных пунктов (в нашем случае хозяйственных территорий сел), граница между территориями которых представлена линией, а не точкой. На графе смежности соседствующие в определенном выше смысле села (вершины графа) соединены линиями (или в терминах теории графов — ребрами). Наиболее элементарным из показателей выгодности положения села является так называемый показатель степени вершины ρ (число связей по смежности, характеризующих конкретное село, т. е. число соседних пунктов у каждого из сел). Его легко извлечь либо из специально построенной матрицы смежности, либо визуально — на графе географической смежности (рисунок). Этот вид анализа

Граф географической смежности
меннонитских сел Хабаровского
р-на

позволяет ранжировать села по числу «соседей» и, таким образом, в ограниченном понимании может рассматриваться в качестве меры благоприятности положения населенного пункта на сети.

Более точную оценку, в которой учитывается не только число соседей, но и расстояния до всех сел, входящих в данный граф, обеспечивают так называемые индексы доступности, или центральности. К наиболее элементарным из них относится число Кёнига, определяемое на матрице кратчайших расстояний $K = \|k_{ij}\|$ как наибольший элемент k_{ij} в i -той строке (столбце) матрицы (табл. 4). Число Кёнига оценивает доступность вершины только со стороны самого удаленного от нее пункта, поэтому теоретически предпочтительней использовать другие меры: индекс оптимальной связности вершины μ_i , индекс центральности Бавела B_i , индекс центральности Бошама E_i , либо взвешенный показатель связности вершин S_i (индекс Шимбела — Каца).

Таблица 4

Матрица $K = \|k_{ij}\|$ кратчайших расстояний графа смежности меннонитских сел Хабаровского р-на *

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1																			
2	1																		
3	1	2																	
4	1	1	1																
5	2	1	2	1															
6	3	2	3	2	1														
7	2	2	1	1	2	3													
8	3	4	2	3	4	5	3												
9	3	3	2	2	2	3	1	2											
10	2	3	1	2	3	4	2	1	1										
11	3	4	2	3	3	4	2	1	1	1									
12	4	5	3	4	4	5	3	1	2	2	1								
13	5	4	4	4	3	4	3	2	2	3	2	1							
14	5	1	4	4	3	4	3	3	2	3	2	2	1						
15	4	3	3	3	2	3	2	2	1	2	1	2	1	1					
16	4	3	3	3	2	2	2	3	2	3	2	3	2	2	1				
17	4	3	3	3	2	1	2	3	2	3	3	4	3	2	2	1			
18	3	2	2	2	1	2	1	3	1	2	2	3	2	2	1	1	1		
19	5	4	4	4	3	2	3	3	3	3	2	3	2	2	1	1	1	2	

* Номера сел соответствуют приведенным в табл. 1.

Таблица 5

Меры доступности на графе смежности меннонитских сел Хабаровского р-на *

Населенные пункты	Индексы доступности (центральности)					
	μ_i	E_i	B_i	S_i	ρ	$k_{\max}$
К р у п н ы е						
Протасово	51	0,35	16	1,438	3	7
Полевое	38	0,47	22	2,082	4	7
Дегтярка	48	0,38	17	1,495	5	7
Орлово	35	0,51	24	2,756	8	5
М а л ы е						
Мирное	55	0,33	15	1,345	3	8
Угловое	43	0,42	19	1,899	5	8
Красный Дол	41	0,44	20	1,973	4	6
Никольский	53	0,34	16	1,222	4	6
Дворское	48	0,37	17	1,583	3	6
Лесное	43	0,42	19	1,855	5	5
Чертеж	33	0,55	25	2,691	6	6
Александровка	48	0,37	17	1,539	6	5

* Индексы рассчитаны лишь для сел, существовавших на протяжении всего периода наблюдений.

Первые три индекса — μ_i , B_i и E_i , хотя и рассчитываются различными способами, дают идентичные результаты в отношении ранжирования вершин по степени доступности (табл. 5). Индекс оптимальной связности вершины определяется суммированием элементов в соответствующих строках матрицы кратчайших расстояний:

$$\mu_i = \sum k_{ij}.$$

Чем ниже показатель μ_i , тем более выгодным в смысле топологической доступности является положение i -того села на сети¹².

Индекс центральности Бавела является отношением суммы индексов доступности всех пунктов сети к индексу доступности i -того пункта:

$$B_i = \sum \mu_i / \mu_i.$$

Индекс центральности Бошама определяется как

$$E_i = (n - 1) / \mu_i,$$

где n — общее число пунктов в сети. Чем выше значения индексов Бавела и Бошама, тем благоприятнее географическое положение села по отношению ко всем рассматриваемым населенным пунктам.

Наиболее информативным следует считать все же, с нашей точки зрения, взвешенный показатель связности вершин — индекс Шимбела — Каца, который конструируется следующим образом. Путь между двумя вершинами, состоящий из одного ребра, измеряется при расчете этого индекса не L , а скалярной величиной, значение которой выбирается между 0 и 1. Путь из двух ребер тогда соответствует величине S^2 , из трех ребер — S^3 и т. д. У. Л. Гаррисон принял значение $S = 0,30$.

Измеряя этой скалярной величиной пути, состоящие из различного числа ребер, можно на основе исходной матрицы кратчайших расстояний K построить новую матрицу K' . Суммируя элементы этой матрицы по строкам, мы и получим величины индекса Шимбела — Каца для каждой из вершин графа смежности. Чем выше будет значение индекса, тем более доступное в топологическом отношении место на сети занимает данный населенный пункт. Этот индекс обеспечивает максимально дробное ранжирование вершин, что и обуславливает его теоретическую предпочтительность.

Теперь, когда мы располагаем двумя комплексами параметров, один из которых характеризует брачную миграцию, а второй — систему расселения с

точки зрения «выгодности» положения сел на сети брачных связей, мы получаем возможность измерения влияния пространственного положения сел на брачную структуру. Типологическое различие композиционных структур и формирующих их миграционных потоков у крупных и малых сел делает целесообразным проведение раздельного корреляционного анализа для обеих групп сел. Это позволяет к тому же нивелировать влияние различий в уровнях развития социальной инфраструктуры и «престижности» тех или иных населенных пунктов, поскольку выделенные группы сел более или менее однородны в данном отношении. Такой подход является по своей сути комплементарным в отношении известной теории центральных мест В. Кристаллера, или более ранней теории зонирования И. Г. фон Тюнена, где пространственно-географические детерминанты отступают на второй план по сравнению с ролью социально-экономических факторов.

Напомним, что в группу крупных сел Хабаровского р-на входят Дегтярка, Орлово, Полевое и Протасово, каждое из которых представляет собой главную усадьбу колхоза и центр сельсовета. Для оценки связей между параметрами миграции и величинами индексов центральности этих сел были рассчитаны ранговые коэффициенты Кэндела и Спирмена. Статистически достоверными оказались связи между числом направлений миграции в популяцию у женщин и показателем степени вершин ρ ($\tau=0,913$; $r_s=0,950$), а также между ρ и числом компонентов в композиционных структурах этих сел (у женщин и у мужчин). Для остальных индексов были получены достаточно высокие положительные корреляции, не достигшие, однако, из-за малой численности сравниваемых рядов, порога значимости. Так, корреляция между величинами индекса Шимбела — Каца S_i и коэффициентами прямой и обратной миграции у мужчин и женщин m_i , m'_i ($\tau=0,667$; $r_s=0,800$); между индексами оптимальной связности вершин μ_i и числом направлений миграции в популяцию k_i у мужчин: $\tau=0,667$. Статистически значимой ($P=0,01$) оказалась корреляция между μ_i и числом направлений миграции в популяцию k_i у женщин ($\tau=1$). Положительная корреляция ($\tau=0,667$) существует также между числом сел в приходе и количеством компонентов в композиционной структуре сел этой группы.

В группе малых сел района, существовавших в период исследования, которая включает Мирное, Угловое, Красный Дол, Никольский, Дворское, Лесное, Чертеж и Александровку, статистически достоверные корреляции ($P=0,05$) были получены лишь между ρ и числом направлений миграции в популяцию k_i у мужчин: $\tau=-0,709$; $r_s=-0,756$, а также между ρ и коэффициентом обратной миграции у женщин m'_i : $\tau=0,591$; $r_s=0,766$. Корреляция именно этих параметров миграции с показателями степеней вершин (т. е. числом сел — непосредственных соседей) не представляет сложностей для интерпретации: асимметрия миграционных потоков по полу, вызванная небольшим преобладанием вирилокальной формы расселения над прочими и оттоком молодых мужчин из малых сел в крупные, обусловила «асимметрию» коэффициентов корреляции. Отрицательная корреляция, существующая между количеством связей по смежности (степень вершин) и числом направлений прямой миграции k_i у мужчин функционально связана с преимущественным направлением миграции — из малых сел в крупные, ведь чем больше соседей у малого села, тем больше вероятность, что в их числе есть и более крупные села, располагающие более широкими возможностями для приложения труда и более развитой социальной инфраструктурой. Иными словами, выгодность положения малого села внутри данной группы сел оборачивается известными невыгодами в структуре миграции — оттоком мужчин трудоспособных возрастов. Это подтверждается и отрицательной корреляцией между величинами индекса Шимбела — Каца S_i , измеряющего выгодность положения села, и коэффициентами прямой миграции у мужчин: $\tau=-0,357$; $r_s=0,500$. Хотя эти величины находятся несколько ниже порога статистической значимости $P=0,05$, они совпадают по знаку с уже отмеченными статистически достоверными корреляциями и, таким

образом, не противоречат выдвинутому объяснению. Отмеченная выше достоверная положительная корреляционная связь между ρ и коэффициентом обратной миграции m'_i у женщин также совпадает по знаку с корреляцией между m'_i и S_i , рассчитанной для характеристик миграции женщин: $r = 0,357$; $r_s = 0,548$, хотя, как и в предыдущем случае, не достигает порога значимости. Смена знака на противоположный по сравнению с аналогичными показателями у мужчин фиксирует асимметрию миграционных потоков по полу, вызванную преобладанием вирилокального расселения. Все прочие коэффициенты корреляции, рассчитанные для различных параметров, измеряющих выгодность географического положения села, и параметров миграционных потоков, оказались в этой группе сел статистически недостоверными.

Проведенный корреляционный анализ позволяет утверждать, что местоположение села (центральное или периферийное) в системе расселения, число соседей (географически смежных сел) входят в состав факторов, существенно влияющих на композиционные структуры этих сел и формирующих их миграционных потоков. Существование связи между положением села и некоторыми параметрами популяционной структуры (потоками прямой и обратной миграции, количеством направлений брачной миграции) делает уязвимым некоторые из применяемых сегодня математических моделей популяционной структуры.

В рассматриваемом здесь случае — добрачной и брачной миграции у алтайских меннонитов — хорошим предиктором композиционной структуры села является число непосредственно соседствующих сел. В той мере, в какой брачная структура реализуется в границах композиционной структуры (а, по-видимому, чаще всего так и бывает, за исключением сообществ с традиционной экзогамией, вследствие которой частота изолакальных браков резко падает), число сел-соседей служит ориентиром и в случае прогноза в отношении брачной миграции, формирующей структуру следующего поколения. Такой вывод в отношении Алтайского массива меннонитских сел хорошо согласуется с результатами проведенного анализа брачной структуры (выделенные деми пространственно компактны) и историческими свидетельствами о преимущественной эндогамности церковного прихода у меннонитов. Вопрос о распространенности такой ситуации у сельского населения других народов остается открытым. В случае же получения дополнительных свидетельств в пользу существенной роли положения села в системе расселения для формирования особенностей брачной структуры следует подумать о включении в популяционные модели пространственно-географических параметров, характеризующих выгодность размещения села.

Примечания

¹ Краткую характеристику этих направлений и представляющих их исследователей см. в кн.: Ягельский А. География населения. М., 1980. С. 9—21.

² Regional Analysis. V. 2. Social Systems / Ed. by C. A. Smith. N. Y. e. a., 1976; Migration and Mobility: Biosocial Aspects of Human Movement / Ed. by A. Boyce. London; Philadelphia, 1984.

³ Wright S. Breeding Structure of Populations in Relation to Speciation // Amer. Naturalist. 1940. V. 74. P. 232—248; Kimura M., Weiss G. H. The Stepping-Stone Model of Population Structure and the Decrease of Genetic Correlation with Distance // Genetics. 1964. V. 49. P. 561—576; Malécot G. Quelques schémas probabilistes sur la variabilité des populations naturelles // Ann. Univ. Lion Sci. Sect. A. 1950. V. 13. P. 37—60; Carmelli D., Cavalli-Sforza L. L. Some Models of Population Structure and Evolution // Theor. Popul. Biology. 1976. V. 9. P. 239—359.

⁴ Malécot G. Les modèles stochastiques en génétique de population // Publ. Inst. Statist. Univ. P., 1959. V. 8. P. 173—210; Courceau D. Migration // Genetic Structure of Populations / Ed. A. Jacquard. N. Y., 1974. P. 351—387.

⁵ См., например, Ward R. H. Some Aspects of Genetic Structure in the Yanamama and Makiritare // Methods and Theories of Anthropological Genetics. Albuquerque, 1973. P. 367; Lewontin R. C. The Genetic Basis of Evolutionary Change. N. Y., 1974; Ewens W. J. Tay-Sachs Disease and Theoretical Population Genetics // Amer. J. Human Genetics. 1978. V. 30. P. 328—329.

⁶ Mennonitisches Lexikon. Bd 2./Hrsg. Chr. Hege und Chr. Neff. Frankfurt/Main. 1937. S. 125—126; ibid. Bd 4. 1956. S. 178—182; Fast G. In den Steppen Sibiriens. Rosthern, 1957.

⁷ Подробнее об истории этой общности см.: Ипатов А. Н. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978; Бондарь С. Д. Секта меннонитов в России.

Пр., 1916; Писаревский Г. Г. Переселение меннонитов в России при Александре I. Ростов н/Д., 1917; Ehrt A. Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart. B., 1931; The Mennonite Encyclopedia: A Comprehensive Reference Work of the Anabaptist-Mennonite Movement / Eds C. H. Smith, H. S. Bender et al. V. 1—4. Hilsboro; Newton; Scottdale, 1955—1959.

⁸ Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции // Сов. этнография. 1986. № 4. С. 87—99.

⁹ Рычков Ю. Г. Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики // Вопр. антропологии. 1973. Вып. 44. С. 3—22.

¹⁰ Бунак В. В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С. 257.

¹¹ В цит. статье (Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры...) использован аппарат этой теории; в приложении к статье дан краткий словарь терминов.

¹² Михеева В. С. Математические методы в экономической географии. Ч. 2. Приложения теории графов. М., 1983. С. 29—37.

Ч. Язлыев

АТЛЫЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У МУРГАБСКИХ ТУРКМЕН В XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Водоземельная община была основным элементом общественной организации туркмен до Великой Октябрьской социалистической революции. Важное место в структуре водоземельной общины занимала атлычная организация. Последняя еще в XIX — первой четверти XX в. отличалась большой стабильностью, причем у туркмен Мургабского оазиса она просуществовала вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

Между тем атлычная организация у мургабских туркмен почти не изучена. О ней лишь упоминают некоторые дореволюционные и советские авторы: Д. И. Субботич, Я. Таиров, К. К. Пален, Г. Е. Марков, М. Аннанепесов¹. Данная статья написана на основе литературных источников, архивных и полевых этнографических материалов, собранных автором в 1985—1986 гг. в Марыйском и Сакар-Чагинском районах республики. Особенно следует отметить значение данных поаульных бланков и домохозяйственных карточек, составленных в 1914—1915 гг., а также материалов ревизии К. К. Палена, хранящихся в Центральном государственном архиве Туркменской ССР (далее — ЦГА ТССР) и в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (далее — ЦГИА СССР).

Термин *атлык* известен еще в древнетюркских памятниках письменности². Сущность атлычной системы у мургабских туркмен во второй половине XIX — первой четверти XX в. была многозначной. Дело в том, что в процессе оседания мургабских туркмен структура их племенной и хозяйственной организации совпадала со структурой военной организации. Поэтому атлычная система до начала 80-х годов XIX в. представляла микрообщину в составе водоземельной общины и имела военно-хозяйственное и административное значение.

В 60-х годах XIX в. каждая водоземельная община мургабских туркмен подразделялась независимо от своей численности на 20 атлыков. Атлык состоял из группы близкородственных, иногда неразделенных больших семей, наминавших патронимию, и назывался именем той семейно-родственной группы, которая составляла его основу.

Состав атлыка был по большей части постоянным. Как подчеркивали члены комиссии по ревизии Мервского уезда в 1909 г., «состав атлыка образовывался исторически, при первоначальном делении земли и воды (т. е. в 60-х годах XIX в. — Ч. Я.) каждая маленькая группа общества, иногда даже отдельная семья, уравнивалась и получала собственный надел»³. Наши информаторы сообщали, что еще в 1920-х годах, хотя и редко, некоторые большие семьи представляли самостоятельные атлыки. Иногда атлык состоял из двух семей.